

Заволоцкие хроники

На территории нашего района находится одна бывшая крепость Заволочье. Она располагалась на острове Большой (ныне полуостров) озера Подцо, что в десяти километрах от современной Пустошки. Крепость построена в 1536 году во время регентства матери Ивана IV Грозного Елены Глинской. Об основании её говорится так: «<...> Велел князь великий поставити во Ржевском на литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочье»¹.

В новом городе на земляном валу были возведены деревянные стены и 9 деревянных башен, построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами, поселены жители и назначены два наместника, которые и управляли Заволочьем. С трех сторон крепость омывало озеро Подцо, с четвертой сквозь озеро протекала река Великая. Крепость соединялась с посадом мостом, некоторые дубовые сваи сохранились до наших дней.

Город - крепость Заволочье вплоть до 1777 года являлся центром Пусторжевского уезда. Псковская провинция состояла из 9 городов уездных, в числе которых наравне с Гдовом, Изборском, Опочкой, Островом значилось и наше Заволочье.

Первым боевым испытанием для нового города стали события 1580 года - времени второго похода на Русь войска Стефана Батория. Чтобы читатель яснее представлял себе историческую ситуацию, напомним, что это было время Ливонской войны (1558 – 1583г.г.), войны России за выход к Балтийскому морю против Ливонского ордена, Швеции, Польши и Великого княжества Литовского (с 1569 года – Речи Посполитой). Война велась в течение 25 лет.

1-й этап (до 1561г.) завершился разгромом Ливонского ордена. На 2-м этапе (до 1578г.) русские войска вели борьбу с переменным успехом, заняв летом 1577г. ряд прибалтийских крепостей. На 3-м этапе (с 1579г.) русские войска вели оборонительные бои (героическая оборона Пскова 1581 – 1582 и др.) против армии Стефана Батория и шведских войск. Ливонская война завершилась подписанием невыгодных для России Ям – Запольского и Плюсского перемирий². В моём докладе речь пойдёт о третьем этапе Ливонской войны.

3-й этап Ливонской войны состоял из трёх походов. Первый поход С. Батория начался взятием в августе 1579 года Полоцка, затем пали крепости Сокол, Красный, Нищерда и др. Во втором походе в 1580 году С. Баторий взял Велиж, Великие Луки, Усвяты, Торопец, Невель, Езерище, Заволочье. В третьем походе в 1581-1582 г. г. войска Батория захватили Холм, Старую Руссу, Остров, в течение 5 месяцев осаждали город Псков.

«В Баториии³, избранном в 1576 г. польским королём, и в его главном помощнике канцлере Яне Замойском Иоанн встретил противников, которые сумели не только лишить царя всех плодов прежних счастливых походов в Ливонию и Литву, но и поставили Россию в самое критическое положение»⁴.

К сожалению, русские источники, которые представляли бы ход дел с московской точки зрения, почти совсем отсутствуют за первые два года Баториевой войны (1579-1580). Поэтому обратимся к иностранным авторам. Я

нашла три источника, которые описывают военные события того периода у стен Заволоцкой крепости: «Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г.», веденный Лукою Дзялыньским⁵, старостою Ковальским и Бродницким», «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» секретаря королевской канцелярии ксендза Станислава Пиотровского», «Записки о Московской войне (1578-1582)» Р. Гейденштейна⁶. Каждый из этих авторов по-своему представляет осаду нашей крепости, взаимно дополняя друг друга.

Итак, 1580 год. После взятия Велижа, Усвят, Великих Лук, Невеля, Езерище, «теперь поблизости выдавались две крепости, Торопецкая и Заволочская, которые могли мешать спокойному владению всею этой областью. Король понимал, что при нерасположении сельского населения к новой власти, при обширности пустынных пространств со стороны Литовской, если он ещё оставит в руках неприятеля Торопец и Заволочье, то и гарнизон, находящийся в Луках, может подвергнуться большой опасности. Так как король помышлял уже о походе будущего года, то кроме вреда, какой Заволочье может нанести Лукскому гарнизону, оно получало важность и в другом отношении; ибо Заволочье расположено на таком месте, от которого идёт главная дорога к Пскову, и, очевидно, может послужить немаловажным препятствием при походе на Псков. <...> По завоеванию Заволочья, по мнению короля, ничего кроме Острова не встретилось бы почти до самого Пскова такого, что могло бы задержать его путь. Король отправил Яна Замойского к Заволочью, увеличив число пушек и присоединив к войскам, которые были у Замойского, ещё 500 человек венгерской пехоты и отряд всадников.

Выехав из Великих Лук, <...> Баторий остановился в Невле на несколько дней подождать исхода осады Заволочья»⁷.

Ещё до прибытия королевских войск защитники Заволочья под командованием мудрого воеводы Сабурова сожгли посад, уничтожили мост через реку Великую, все лодки укрыли за крепостными стенами и сделали другие благоразумные предостережения.

Прибыв к Заволочью, Замойский «произвёл осмотр и, объехав со всех сторон крепость, нашёл, что в направлении к полудню против крепости, на том же озере есть другой остров, <...> и что тут находится кратчайший путь к крепости. <...> Поэтому на следующий день он перевёл туда всё войско <...> и поставил лагерь»⁸.

Под стенами Заволочья бесспорно стояла превосходная армия, вполне владевшая всеми современными для той эпохи приёмами ведения войны. У Батория имелись отличная артиллерия, опытные инженеры, возводившие осадные батареи, рейтары из Германии, многочисленные литовские, польские и венгерские воины.

«В польской коннице можно было различить роты тяжелой кавалерии — гусаров, закованных с ног до головы в железо, и казаков — легко вооруженных. Пехота состояла большей частью из венгерцев, которые получали большую плату, отличались нарядом от других солдат в знак двойной печали и из уважения к канцлеру Замойскому, потерявшему незадолго перед этим жену и дочь, носили черные кафтаны»⁹.

Осаждавшим нельзя было отказать ни в воинском искусстве, ни в мужестве. Тем не менее гарнизон Заволочья выдержал двадцатидневную осаду и сдал город противнику только в виду многократного перевеса сил и обречённости своего положения. «200 воинам Заволочья противостояло тогда около 4000 неприятельских солдат»¹⁰.

Главной силой русского войска являлись стрельцы. От государственной казны стрельцы получали единообразную форму и оружие: саблю, пищаль и бердыш – топор на длинном древке, использовавшийся ещё и как подставка для стрельбы из пищали.

А ведь осады могло и не быть. В 1579 году крепость Заволочье чуть не пала жертвой преступного замысла. Герберштейн описывает дело так. «Вначале, когда Московский царь взял Полоцк, то он увел всех тамошних дворян и всех и крестьян в Московскую область; потом, когда уже укрепилось за ним владение этой областью, он, полагая, что у туземцев от долгого времени пропала любовь к прежнему управлению, снова поселил на прежних землях некоторых из них, и в том числе некоего Коссонского, выдававшегося над крестьянами не столько телесною силою, но и умом, вместе с его сыновьями и братьями, также весьма сильными людьми. Лишь только Полоцк воротился под власть короля, Коссонский стал измышлять, как бы ему возвратиться с некоторой почестью к прежней власти. Он указал Полоцким казакам, в каком положении дела неприятелей. Когда последние, с разрешения воеводы Полоцкого, в назначенное Коссонским время подступили к Нищерде, то они нашли, что окопы, как предупреждал их Коссонский, даже не окончены, и без всякого труда овладели этой крепостью. Тем не менее Коссонский, по своему обыкновению, продолжал вращаться между Москвитянами, не возбуждая никакого подозрения, так как они считали приход казаков под Нищерду случайным, и вот он задумал таким же образом передать нашим и Заволочье. Тем же казакам он назначил день для прихода под Заволочье, условился, что он сам зажжет башню, и, пока Москвитяне будут заняты тушением этого пожара, введет их в крепость. Когда же план этот был открыт, то Коссонский вместе с двумя сыновьями был посажен на кол в виду Заволочья»¹¹.

«Казалось всем, что осада будет, в высшей степени затруднительна., так как крепость, окружённая водою со всех сторон, была недоступна, кроме того она была укреплена искусственно; время года было также самое неблагоприятное, и войску грозила опасность постоянно страдать от дождей, холодов и уже ожидавшихся в скорости морозов; тем не менее, Замойский полагал, что не должно совершенно отчаиваться. Вследствие этого он стал готовить всё нужное для приступа.

Прямо против нашего лагеря находились огромной величины три башенки; два самые крайние были скреплены из огромных и очень крепких брёвен, средний, несколько меньший; все они, равно как башенки и других сторон, были снабжены окнами и были удобны для стрельбы из пушек. Так как они не были покрыты дерном, но по старому обычаю были обмазаны глиной, то Замойский возымел большую надежду на то, что, когда сбита будет глина с одной стороны, они, состоя из старого и сухого и свободного от всякой сырости материала, весьма легко загорятся и, загоревшись, вследствие такой большой

кучи бревен, возбуждают пожар на очень обширное пространство. Надежду его поддерживало и поведение Сабурова, человека, пользовавшегося большим значением среди Москвитян и у князя, и бывшего в то время начальником крепости; не желая или тратить попусту порох или утомлять воинов, он в величайшем молчании, <...> держался и держал своих внутри укреплений, хотя при первом прибытии нашего войска неприятель, изрубив на мелкие кусочки захваченных раньше двух наших фуражиров и бросив их с крепости, пытался этою жестокостью возбудить ужас в проходящем войске»¹².

«<...>У подошвы крепости был покатый всход к ней, который неприятель загородил одним палисадом из высоких брёвен и двумя рядами огромных и весьма острых кольев, оставив между каждым значительный промежуток. Против этого Замойский придумал следующее: так как у него не было шерсти, то он, набрав со всего войска чепраки и попоны лошадей, сделал из них огромное множество мешков. Он объяснил солдатам, что природа местности достаточно их защищала от выстрелов больших пушек, ибо их нельзя направлять вниз, а для защиты себя против ружей, при вступлении на противоположный берег он научил их эти мешки прикрепить к кольям и, спрятавшись за ними, тотчас проводить рвы с той стороны под крепостью; отсюда можно будет потом и отогнать неприятеля, если он выйдет за свои укрепления, и зажечь больверк»¹³.

Теперь приведу некоторые выдержки из дневника Луки Дзязынского, в котором он подробно описывал события каждого дня.

«4 октября. <...> сев на лошадей, мы отправились под крепость. В темноте мы блудили по лесу до самого рассвета и достигли замка только тогда, когда уже был день. <...> Гетман <...> приехал к нам под замок, высматривая место для окопов и лагеря. <...> Во время этой рекогносцировки постоянно стреляли из замка. <...>

5 октября. <...> В этот день он (гетман. – Е.Ю.) послал в замок грамоту, в которой увещевал их сдаться. Неприятель грамоты не захотел принять и страшно нас ругал. <...>

6 октября. Часа в четыре гетман приказал ударить в барабаны для сбора ротмистров: он просил их помочь возить хворост для плетения тур и дерево для постройки моста. На это все охотно согласились и приказали своим солдатам возить хворост; затем в тот же день начали плести корзины и строить мост, по которому нужно было идти на приступ. <...>

7 октября. С большим рвением все без исключения возили и работали в этот день так, что корзины и мост были готовы. <...>

8 октября. В этот день перед полуднем привезли пушки, снаряды и порох; подошла также пехота. В этот день начали копать траншеи. <...>

9 октября. Лишь только начало рассветать, как открыли пальбу по крепости из осадных орудий, которых было 8. В этот же день объявлено через трубача, что тот, кто захочет идти на приступ с приметом, чтобы зажечь замок, должен быть наготове за 2 часа до рассвета и должен находиться в окопах. Тому, кто подожжет замок, гетман обещал дать 400 злотых. <...>

10 октября. В этот день, лишь только начало светать, гетман приказал навести мост па озере, чтобы по нему идти с горючим материалом для зажжения крепости. Долго работали, пока не удалось навести его, и когда уже хотели

отправляться по нему, как тут только заметили, что он слишком короток. Тех, которые строил мост, погибло около 80 человек. <...>

В этот день гетман приказал роте Выбрановского оттянуть мост с того места, где он стоял, для того чтобы поправить его. Когда тащили его на канате и на мосту было только двое, которые отпихивались от берега, как вдруг канат лопнул, и мост с 2 гайдуками сильным напором ветра унесло на самую середину озера. Увидев это, русские начали выносить лодки из замка и спускать их в озеро, что бы захватить мост; в каждой лодке было по 3 человека. Тогда гетман приказал ударить в барабан тревогу. Затем одни из наших сели в лодки, чтобы плыть на помощь, другие верхом скакали вокруг озера, тоже желая помочь, так как с другой стороны выстрелы пробивали мост. С обеих сторон шла усиленная пальба: наши стреляли по тем, которые хотели захватить мост, а неприятель по тем, кто плыл на выручку его. Вдруг один челн вынесся вперед и причалил к самому плоту: сидевшие в нем уже хотели выходить на плот, как двое пехотинцев, бывших на мосту, приняли их так, что потопили челн вместе с неприятелем. Когда наши собрались в большом числе к мосту, то русские ушли в крепость, забрав с собою свои лодки. Мы, захватив мост, притянули его к берегу и исправили. <...>

11 октября. Утром на самом рассвете гетман приказал отвязать мост, а для того чтобы людям, которые потянут его к сваям и станут привязывать к колеям, не вредила стрельба из крепости, велел сделать большие мешки, набить их простыми коврами и повесить по обеим сторонам плота. На этом плоту находился п. Уровецкий, ротмистр и пехота, которые и привязали мост. <...>

Потом гетман двинул на приступ венгерцев, как велено было королем, с тем чтобы, когда крепость будет взята, передать ее венгерцу п. Зибжику. По этой причине венгерцы непременно хотели сами брать ее и не соглашались взять с собою кого-либо из поляков. Когда по приказанию гетмана венгерцы шли на приступ и когда их было уже около 300 на той стороне моста, вдруг с двух сторон из крепостных ворот вышло несколько десятков русских. Увидев их, венгерцы бросились бежать. Заметив это, гетман приказал польской пехоте спешить им на помощь; обе стороны столкнулись на мосту. Венгерцы ни за что не хотели идти на русских, наши тоже не могли пройти сквозь венгерцев к неприятелю, и от такой давки мост разломался пополам. Наших в этот день погибло немало, в особенности дворян венгерцев, числом 50, которые спешили, чтобы идти на приступ, 150 гайдуков, раненых же было весьма много. Русских также погибло около 30. Как только мост разломался, гетман приказал притянуть его к берегу, и в этот день больше ничего не предпринимали и не стреляли. В этот день созвали ротмистров. С ними гетман совещался, как поступать дальше; после долгих рассуждений было решено донести королю о случившемся и спросить его, как он прикажет действовать. <...>

12 октября. <...> Было решено построить 2 моста, готовить лодки и боты, чтобы разом со всех сторон сделать приступ; <...> При этом гетман просил помочь возить дерево для моста и собирать боты и челноки; на это все жолнеры изъявили полную готовность. В этот день начали исправлять разломанный мост и строить другой. <...>

13 октября. <...> гетман сообщил им, что желание и воля короля такова,

чтобы осада продолжалась, и объявил, что король посылает большие вспомогательные войска: пехоту и кавалерию. <...>

14 октября. Все, как ротмистры, так и товарищи, с большим рвением возили дерево для моста»¹⁴.

Гейденштейн описывал подготовку к штурму следующим образом. «<...> Деятельно искал он (Замойский. – Е.Ю.) по всем деревням и по берегам озёр лодок и судов, для того, чтобы на всех их вести приступ и чтобы, сколько возможно больше раздробить на части силы крепостного войска. Неприятеля заранее уже увели все оставшиеся суда, оставив только одно. Это судно принадлежало тамошним монахам и употреблялось ими для вытягивания больших неводов, и хотя могло вместить почти 80 человек, но так как оно от ветхости уже было негодно и было полно щелей, то неприятеля и не взяли его. Замойский починил его так, что можно было на нём плыть, закрыв его в повреждённых местах частью свежими воловьими кожами, частью мхом <...>»¹⁵. Об этом же пишет в своём дневнике и Лука Дзялынський:

« *15 октября.* В этот день мы все занимались изготовлением ладей и собирали их с разных мест и с самых дальних озёр. Каждый ротмистр доставил их несколько. <...>

16 октября. Пришла помощь от короля, состоящая из нескольких тысяч человек. Прибывшая пехота тотчас расположилась за траншеями, а конницу, разделив на две части, гетман поставил по обеим сторонам крепости и озера, так что наши войска окружили ее со всех четырех сторон. <...> »¹⁶.

Гейденштейн уточняет. «Король присоединил к войскам, имевшимся ранее у Замойского, 900 польских всадников и около 1000 пехотинцев венгерских»¹⁷.

«*17 октября.* Начали копать две траншеи и устраивать батареи, так чтобы обстреливать крепость с 3 сторон. <...>

18 октября. Утром тотчас после богослужения ударили в барабан для сбора ротмистров. Когда они сошлись, гетман сперва объяснил им, каким образом он намерен вести приступ и пробовать захватить замок. Прежде всего, будут два плота: один для венгерцев, другой для поляков; <...> Пользуясь плотом, они должны занять место с другой стороны крепости и ждать, когда русские сделают вылазку на тех, которые пойдут на стены с горючим материалом; тогда они должны вступить в бой. Кроме того, с других 3 сторон поплывут к крепости лодки, которых было около 60, для того чтобы в момент вылазки выйти с трех сторон из лодок и ударить на неприятеля. Гетман хочет поступить так для того, чтобы с одной стороны вести приступ на плоты, с других трех сторон на лодках, и тогда орpngnalıо крепости будет со всех четырех сторон. При этом гетман обещал от имени короля большие награды тем, которые выкажут мужество. <...>

19 октября. Было совещание ротмистров, и после долгих споров решили в течение двух дней перед приступом стрелять непрерывно по крепости для того, чтобы попытаться зажечь стены, вместе с тем утомить людей в замке так, чтобы во время штурма напасть уже на обессиленных. <...>

20 октября. <...> В этот же день положили различного горючего материала в лодку и, поджегши ее, пустили по ветру на сторожевую башню; но зажечь ее не могли, так как лодка не подплыла к башне. <...>

21 октября. Сделан смотр охотникам, которые вызвались идти па приступ. <...>

Die 22 октября. С наступлением дня снова открыли пальбу по крепости, но зажечь ее не могли, так как осажденные разрушили две стены, оставивши только одну, чтобы ядра не проникали в дерево"¹⁸.

Герберштейн в своей книге так объясняет причину отсутствия пожаров. «<...>Сабуров раньше придумал средство, чтобы невозможно было при осаде её воспользоваться калёными ядрами. Наученный исходом других осад, он сломал стену, где она была слишком толста и, оставив только один ряд брёвен, которым она держалась, внутреннюю часть её прикрыл довольно широкой насыпью, которую он скрепил плетнём. Вследствие того ядра, быстро проходя сквозь тонкую стену, оставались в насыпи и там сами собой и потухали»¹⁹.

Дзялынский далее пишет. «В этот же день гетман отправил в крепость к воеводам королевское письмо с приглашением сдаться; но воеводы не хотели брать грамоты, сказав: «Пускай король посылает письма в свои города, а не к нам, потому что мы короля не знаем и его не слушаем» <...>

Die 23 октября. Как только стало рассветать, ударили в барабан, давая сигнал собираться в гетманский шатер. <...> Наконец гетман приказал идти в траншеи и ничего не начинать, пока он сам не приедет. В траншеях вся пехота, как польская, так и венгерская, уже стояла наготове, в боевом порядке, только ждали гетмана, который почему-то замедлил; были приготовлены шесты, факелы и другие материалы для примета. Когда все было готово, гетман приказал подать сигнал, чтобы войско садилось на лошадей, и сам, сев на лошадь, направился к окопам; русские узнали гетмана по его шляпе с перьями, которую возили за ним на копье, и заметили, что назначенные на приступ вступают в траншеи и подходят к плоту; тогда начали кричать из крепости, чтобы не стреляли и что хотят начать переговоры. Гетман прекратил пальбу и велел спросить: что им нужно? Ему отвечали: «Хотим королевской грамоты и, прочитавши ее, скажем: сдадимся или нет»²⁰.

Начались переговоры. «Из крепости выслали шестерых, которые предложили гетману следующие условия капитуляции: во-первых, чтобы их отпустили невредимыми вместе с женами и детьми на родину; во-вторых, чтобы им позволили взять с собою имущество и собственное их оружие, а казенное они оставляют, как-то: пушки, мушкеты, пищали, порох, ядра и провиант. Для большей верности они требовали от гетмана присяги. Гетман на все согласился, только не разрешил им оставить при себе огнестрельное оружие; затем он присягнул исполнить, что обещал, а они присягали сдать крепость, после чего один из шестерых отправился назад к своим.

Узнав от него о происшедшем, русские выслали к канцлеру семерых из высших начальников, а также и пеших заложников и велели сказать, что воеводы не хотят сдаваться. <...> Гетман отправил за воеводами несколько десятков человек»ⁱ. <...> Воевод привели силой. «Гетман объявил, что, так как они не хотели сдаться добровольно, как другие это сделали, то он считает их военнопленными и потому они не могут пользоваться свободой, как другие. Это были: Василий Сабуровⁱⁱ, Иван Злобин, Василий Непеицын «да для вылазки» Богдан Кафтырев.»²¹

«Таким образом взята была без разрушения твердыня весьма крепкая от природы и снабжённая всем нужным для защиты, не смотря на содействие неприятелям со стороны времени года, непрерывных дождей и морозов»²².

Почти три недели с 4 по 23 октября 1580 года, 20 дней, маленький гарнизон Заволочья под командованием русского воеводы Василия Сабурова мужественно отражал приступы многократно превосходивших сил польского короля Стефана Батория и его ближайшего помощника гетмана Яна Замойского. Как отмечают историки, с именами Батория и Замойского, талантливых полководцев и политиков, связаны наибольшие успехи Речи Посполитой в Ливонской войне. Тем приятнее осознавать, что в лице Василия Сабурова они встретили достойного противника.

После взятия крепости в Заволочье и в близлежащей округе было заведено польское правление, и на следующий год сюда приезжал король Стефан Баторий. 26 июля 1581 года ксендз Пиотровский, сопровождавший Батория в последнем походе, сделал следующую запись: «Мы приехали под Заволочье с паном канцлером, а король еще в понедельник перед нами: он торопился выбраться из этого леса.

Как утка на озере, стоит замок-предмет прошлогодних подвигов пана канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием; а так как это место укреплено самою природою, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду. Он говорил, что если б пришлось ему, он не полакомился бы такой добычей; канцлер очень доволен, и тот ему большой друг, кто скажет, что замок неприступен и труден для осады; мы все твердим, что действительно так. Старостой здесь Зибжик. Мы нашли все в порядке: земли около замка на 15 миль в ширину, крестьян, которые присягнули, 4000, каждый принес ему по 2 талера на расходы по случаю приезда короля; говорят, что он в этот год собрал наличными 30000 злотых. Наши, как вижу, гневаются, но Зибжику все равно. Он ведет здесь большое хозяйство, сам торгует всем: привезут ли что на торг, он покупает и потом продает жолнерам; говорят, что таким образом все наши деньги остались у него и проч. Год тому назад несколькими ротмистрам предлагали Заволочье, но никто из них не хотел этого места, а вот Зибжик знает, как с ним распорядиться.

Заплати ему Господь за то, что от самого Полоцка исправил дороги, навел везде хорошие и крепкие мосты и построил их не как-нибудь по-польски: мы везде в этих лесах совершали легко переправы и до самого Пскова нашли исправленные дороги; много значит, что из здешних озер выходят реки и озерки, по которым удобно можно сплавливать грузы с тяжестями, а между тем литовцы не сказали об этом ни слова: сам канцлер только в прошлом году узнал об этом»²³.

Баторий пробыл в Заволочье около десяти дней, с конца июля до начала августа 1581 года. В крепости писался ответ Батория на грамоту Ивана Грозного. Здесь же состоялось тайное совещание с литовскими сенаторами по поводу дальнейшего направления войск: на Новгород или Псков. Решили, что на Псков. События этого периода описаны в Дневнике ксендза Пиотровского, сопровождавшего Батория в его третьем походе. Накануне отъезда из Заволочья, как бы предчувствуя трудности предстоящего похода, Пиотровский записывает следующие строки. «Здесь уже осень и такие холода, какие у нас бывают около

св. Варфоломея. Уже близка зима. Итак, веселья не будет. В Заволочье 3 августа 1581 года»²⁴.

Неудачная осада Пскова вынудила политиков заключить мир, лишив при этом русского царя всех прежних завоеваний. По Ям-Запольскому мирному договору крепости Великие Луки, Невель и Заволочье были возвращены Русскому государству в 1582 г. При этом в предшествовавших подписанию длительных переговорах послы настаивали на возвращении именно этих крепостей, как имевших большое стратегическое значение на северо-западных границах страны.

О крупных потерях польской армии при взятии Заволочья известно из дипломатической переписки Ивана Грозного с Баторием перед заключением мира. Король обосновывал свои требования высокой контрибуции большими издержками, которые понесла его армия в частности при осаде Заволочья. На что Грозный отвечал: «И то христианское ли дело твои панове говорят? А о кровопролитстве христианском не жалеют, а о накладе жалеют! А коли тебе убыток, ты бы Заволочья не брал, кто тебе о том бил челом?»²⁵

Ещё долгие годы Заволоцкая крепость стояла на страже северо-западных рубежей России, пока не отодвинулись границы государства, и она не потеряла своё значение.

Городище Заволочье является историко-археологическим памятником XVI – XVIII в.в. местного значения²⁶. Это один из самых значимых исторических памятников на территории Пустошкинского района.

Р.С. В день Святой Троицы по православному обычаю со всех сторон съезжаются родственники, чтобы помянуть своих умерших близких. Вот и мы каждый год приезжаем на кладбище в Заволочье, где покоится прах моих дедушки и бабушки Трофимовых Андрея Дементьевича и Ольги Никандровны. Всю жизнь они прожили в деревне Заволочье, здесь же родился и вырос мой отец Трофимов Дмитрий Андреевич. Значит отсюда мои корни. И я очень горжусь тем, что мои предки жили в таком славном месте.

Примечания

¹ Воскресенская летопись//ПСРЛ.-т.8.-СПб.,1859.-с.291

² СЭС гл. редактор А.М. Прохоров//М., 1984,-с. 7-8

³ Стефан Баторий (род. 1533, ум. 1586 г.) из старинной венгерской фамилии, сын венгерского воеводы, в 1571 г. избран был князем Трансильвании.

⁴ Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580-1581г.г.) - Псков, 2005. С. 249. Далее: Осада Пскова.

⁵ Польский военачальник

⁶ Рейнгольд Гейденштейн (1556-1620), юрист, дипломат и историк, доверенный секретарь польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III, приближённый канцлера Яна Замойского.

⁷ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. С. 146-148. Далее: Гейденштейн.

⁸ Там же. С.151.

⁹ Осада Пскова. С. 252.

¹⁰ Н.В. Пиотух. Статья «Ржева Пустая», журнал «Вопросы истории», - 1992, №11-12.

¹¹ Р. Гейденштейн. С. 96-97.

¹² Там же. С.151-152.

¹³ Там же. С.153.

¹⁴ Осада Пскова. С. 220-224.

¹⁵ Р. Гейденштейн. С. 157.

¹⁶ Осада Пскова. С. 224-225.

¹⁷ Р. Гейденштейн. С. 157.

¹⁸ Осада Пскова. С. 225-226

¹⁹ Р. Гейденштейн. С. 160.

²⁰ Осада Пскова. С. 227-228.

²¹ Там же. С. 228.

²² Сабуров Василий Юрьевич. В 1563-1564 г.г. был воеводой в Ржеве Пустой и Заволочье, в 1567 - в Себеже, с 1576 - вновь в Ржеве и Заволочье. Вследствие полученных ран умер в польском плену.

²³ Осада Пскова. С. 228-229

²⁴ Р. Гейденштейн. С. 160.

²⁵ Осада Пскова. С. 296-297.

²⁶ Там же. С. 302.
